

Двое выживших – минус один

Дмитрий Амелин

Двое выживших - минус один

«Автор»

2026

Амелин Д. А.

Двое выживших - минус один / Д. А. Амелин — «Автор», 2026

Среднее Поволжье, лето 1941 года. Трое друзей идут купаться на речку. Начинается бомбардировка. Один из мальчиков исчезает в воде, двое других спасаются в лесу. Матвея считают погибшим. Но тело так и не находят. После войны Миша и Лёха пытаются жить обычной жизнью: учёба, работа, любовь, семьи. Но спустя годы прошлое возвращается. Сначала — странными знаками. Потом — смертью одного из них. Оставшийся в живых понимает: тот, кого они похоронили в памяти, всё это время ждал. И теперь пришёл за ними.

© Амелин Д. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Речка	5
Глава 2. Чёрное небо	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Двое выживших - минус один

Глава 1. Речка

Лето в Среднем Поволжье пахло пылью, нагретой травой и речной тиной.

К полудню деревня словно проваливалась в сон. Куры прятались в тени под плетнями, собаки лежали на боку и лениво щёлкали зубами на мух, а старики, сидевшие у ворот, говорили тише обычного, будто боялись спугнуть тяжёлую июньскую жару. Над крышами дрожал воздух. Далеко за огородами, за тёмной полосой ивняка, блестела речка — узкая, местами заросшая камышом, но для деревенской ребятни самая настоящая, широкая, бескрайняя, почти морская.

Миша первым выскользнул со двора.

Мать велела ему после обеда перебрать картошку в сених, но до обеда было ещё «целых полчаса», а полчаса летом — это почти вечность, если бежать быстро и не оглядываться. Он сунул за пазуху ломоть хлеба, посыпанный крупной солью, босыми пятками перескочил через горячую пыль дороги и свистнул в два пальца у соседнего забора.

Из-за сарая тут же высунулась рыжая голова Лёхи.

— Ты чего орёшь? — прошипел он, хотя сам улыбался во весь рот. — Мать услышит — не пустит.

— А ты не стой, как пень, — сказал Миша. — Матвей где?

— У колодца. Ведро таскает. Сейчас отбредётся.

Лёха перелез через забор так ловко, будто родился не человеком, а каким-нибудь дворовым котом. На нём были короткие штаны, давно потерявшие цвет, и рубаха с оторванной пуговицей. Коленка у него была содрана ещё с позавчерашней драки с городскими мальчишками, но Лёха считал эту ссадину боевой отметиной и никому не давал её жалеть.

Матвей действительно нашёлся у колодца. Он стоял рядом с полным ведром, худой, темноволосый, с мокрой от пота чёлкой на лбу, и уговаривал младшую сестрёнку не реветь.

— Я скоро, Нюрка, — говорил он мягко. — Только до речки и обратно.

— Мамка сказала — воду занеси!

— Занесу. Вот честное слово, занесу.

— Твоё честное слово дырявое, — заметил Лёха, подходя ближе.

Матвей обернулся, и лицо его сразу просветлело.

— Пять минут дайте.

— Две, — сказал Миша. — Иначе место у коряги займут.

Место у коряги было их собственное, никем официально не признанное, но оттого не менее важное. Там речка делала плавный изгиб, вода темнела под нависшими ивами, а с глинистого берега можно было прыгать вниз, зажимая нос и крича так, чтобы слышали на другом конце деревни. Рядом торчала старая коряга, похожая на костлявую руку. Лёха уверял, что ночью она шевелится и хватается за пятки тех, кто купается после заката. Матвей делал вид, что не верит, но после заката к воде всё равно не подходил.

Через несколько минут они уже бежали к реке втроём.

Дорога шла мимо огородов, потом через луг, где трава доходила почти до пояса. Кузнечики стрекотали так громко, будто спорили друг с другом на всю округу. Над лугом висели белые бабочки. Миша бежал впереди, чувствуя, как пот стекает по спине, как колется сухая трава по ногам, как хлеб за пазухой ломается на крошки. Он был счастлив той простой, бессловесной радостью, которая бывает только у детей летом: когда весь мир — это солнце, друзья и речка впереди.

— Последний — немец! — заорал Лёха.

— Сам немец! — крикнул Матвей и прибавил ходу.

Они часто так кричали в играх, ещё не понимая толком, что это слово уже перестаёт быть просто словом из взрослых разговоров и газет. В деревне последние дни говорили тревожно. Мужики собирались у сельсовета, слушали репродуктор, хмурились. Почтальонша тётя Груша ходила быстро, не задерживалась у калиток. Матери чаще обычного ругали детей за пустяки и дольше смотрели им вслед.

Но для Миши, Лёхи и Матвея война всё ещё была где-то далеко. За лесами, за городами, за непонятными взрослыми словами. Она не могла быть здесь, у их речки, где вода пахла илом, а на песчаной отмели валялась их прошлогодняя плотина из палок и глины.

У берега они скинули одежду в одну кучу.

Лёха, конечно, прыгнул первым. Разбежался, взмахнул руками, на миг повис над водой тощей загорелой птицей и с грохотом ушёл под поверхность. Брызги долетели до Миши.

— Давай! — вынырнув, заорал Лёха. — Вода — парное молоко!

— Врёшь, — сказал Миша, но тоже прыгнул.

Вода обняла его сразу, тёплая сверху и холодная в глубине. Он вынырнул, фыркнул, провёл ладонью по глазам. Мир стал ярче: синее небо, зелёные ивы, красное Лёхино лицо, Матвей на берегу, который всё никак не решался прыгнуть.

— Матвей, ты что, с корягой советуешься? — крикнул Лёха.

Матвей показал ему язык, перекрестился по-детски неловко — не от большой веры, а скорее на удачу — и прыгнул следом.

Они плескались, ныряли, спорили, кто дольше продержится под водой. Лёха пытался поймать рыбу руками и каждый раз объявлял, что «почти схватил». Матвей нашёл на дне гладкий камень с белой прожилкой и сказал, что это, наверное, кусок луны, упавший ночью. Лёха обозвал его поэтом, но камень всё равно попросил посмотреть.

Миша лежал на спине, раскинув руки, и смотрел в небо.

Небо было чистым-чистым. Ни облачка. Только высоко, почти на самом краю зрения, двигалась маленькая тёмная точка. Миша сперва решил, что это коршун. Потом точек стало две. Потом три.

Гул пришёл не сразу.

Сначала он показался далёким жужжанием, будто над лугом поднялся огромный рой пчёл. Миша перевернулся в воде и прислушался. Лёха тоже замер, держа в руке водоросль, которую собирался бросить Матвею на голову.

— Слышите? — спросил Матвей.

Гул рос. Он становился тяжёлым, металлическим, чужим. От него вода под подбородком будто мелко задрожала.

Со стороны деревни вдруг раздался крик. Один, потом второй. Потом где-то забила собака, захлебнулась лаем.

— Самолёты, — сказал Лёха.

Он сказал это почти с восторгом, как сказал бы о чуде. Но лицо у него тут же изменилось. Над лесом показались самолёты.

Они шли низко. Чёрные кресты на крыльях Миша увидел слишком ясно — так ясно, что потом, много лет спустя, будет помнить не лица некоторых людей, а эти кресты, будто выжженные на летнем небе. Самолёты не были похожи на тех, что рисовали мальчишки на школьных тетрадах. Они были живые, хищные, с тупым блеском стекла, с брюхом, полным смерти.

Первый взрыв ударил где-то у станции.

Земля дёрнулась. Над дальними крышами поднялся столб чёрного дыма. Через мгновение до речки докатился звук — такой огромный, что Миша не сразу понял, слышит ли он его ушами или всем телом.

— К берегу! — закричал он.

Но Лёха уже плыл. Матвей был дальше всех, почти у середины речки. Он испуганно оглядывался, сбиваясь с дыхания.

Второй взрыв оказался ближе.

Вода вздыбилась мелкой рябью. С берега посыпалась сухая глина. Где-то в камышах с криком поднялись утки. Миша поплыл изо всех сил, чувствуя, как тяжелеют руки. Он слышал Лёху впереди — тот матерился, захлёбывался, но грёб к берегу.

— Матвей! — крикнул Миша. — Давай сюда!

Матвей плыл странно: резко, неровно, будто кто-то тянул его назад. Его лицо то появлялось, то исчезало за всплесками. Он был хорошим пловцом, не хуже Миши. Ещё минуту назад смеялся и нырял до самого дна. Но теперь страх будто спутал ему руки и ноги.

Самолёты прошли над деревней.

От их рева заложило уши. Миша успел увидеть, как один накренился, и из-под него отделились маленькие тёмные капли. На секунду они показались безобидными, почти игрушечными. Потом земля за дорогой раскрылась огнём.

Ударная волна пришла следом. Вода хлопнула Мишу по лицу. Он ушёл под поверхность, хлебнул речной мути, забился, вынырнул и закашлялся.

— Сюда! — орал Лёха с берега. — Мишка, сюда!

Миша уже доставал ногами дно. Глина скользила под пятками. Он рванул к берегу, упал на четвереньки, снова поднялся.

— Матвей где? — спросил Лёха.

Они оба обернулись.

Середина речки была пустой.

Только круги расходились по воде. Широкие, медленные, равнодушные.

— Матвей! — закричал Миша.

Он бросился обратно, но Лёха схватил его за плечо.

— Стой! Сам утонешь!

— Пусти!

Миша ударил его локтем, вырвался, снова вошёл в воду по пояс. В этот момент где-то совсем рядом застучал пулемёт — коротко, зло, как будто небо треснуло по швам. По воде побежали острые белые всплески.

Лёха с силой дёрнул Мишу назад.

— В лес! — заорал он. — В лес, дурак!

Миша не помнил, как они бежали.

Они были голые, мокрые, босые. Одежда осталась на берегу, смешная кучка мирной жизни, к которой уже нельзя было вернуться. Камыш хлестал по ногам, ветки били по лицу. За спиной ревели самолёты, грохотали взрывы, кричали люди. Впереди темнел лес — спасительный, густой, страшный.

Они рухнули под старой осиной в овраге.

Лёха прижал Мишину голову к земле.

— Лежи.

Миша лежал, вжимаясь щекой в влажную листву. От него пахло речкой, страхом и тиной. Где-то рядом тяжело дышал Лёха. Над ними дрожали листья. Между ветками всё ещё виднелись куски июньского неба — того самого неба, которое утром было чистым и добрым.

Миша зажмурился.

Перед глазами стояла вода.

Круги на середине речки.

И Матвея не было.

Ни на берегу, ни в воде, ни рядом с ними в овраге.

Только что их было трое.
А теперь лето кончилось.

Глава 2. Чёрное небо

Лес не спасал.

Он только прятал их на время — мокрых, голых, дрожащих, с глиной на коленях и речной водой в ушах. Миша лежал лицом в прошлогодней листве и не мог понять, почему земля под ним ходит ходуном. Она вздрагивала не как живая, а как избитая. Каждый взрыв где-то за деревьями будто ударял по её рёбрам, и от этого дрожь проходила через грудь, живот, зубы.

Лёха прижимал его к земле одной рукой, другой держался за корень осины. Пальцы у него были белые, в грязи, с содранной кожей на костяшках.

— Не вставай, — прохрипел он.

Миша не сразу понял, что Лёха говорит с ним. В голове стояла вода. Не просто шумела — стояла тяжёлой мутной стеной, за которой всё ещё расходились круги на середине речки.

Матвей.

Имя не произносилось. Оно застряло где-то в горле и там же начало душить.

Над лесом снова прошли самолёты.

Теперь они летели ниже. Рёв моторов провалился между стволами, прокатился по оврагу, сорвал с веток сухие листья. Миша вжал голову в землю. Ему показалось, что если он поднимет глаза, то увидит брюхо самолёта прямо над собой — железное, холодное, с чёрным крестом, как метка на крышке гроба.

Потом ударило.

Сначала вспышка — белая, злая, даже сквозь закрытые веки. Потом звук. Не гром, не треск, не обвал. Это было что-то большее, будто сам воздух разорвали пополам и бросили в овраг горящими кусками. Мишу подкинуло. В рот набилась земля. Лёха вскрикнул, но тут же зажал себе рот ладонью.

Где-то совсем рядом зашипело.

Миша повернул голову. За кустами поднимался дым. Тонкий сначала, серый, а потом густой, чёрный. Он лез между стволами, цеплялся за ветки, расплзался, как грязная шерсть. Пахло не костром. Костёр пахнет домом, картошкой, вечером. Здесь пахло железом, горелой краской, сырой землёй, которую вывернули наружу.

И ещё чем-то сладковатым, страшным.

Миша не хотел понимать, чем.

— Деревня, — сказал Лёха.

Голос у него был чужой. Не тот Лёха, который ещё недавно орал «последний — немец» и смеялся с берега. Этот Лёха говорил глухо, как взрослый мужик после тяжёлой работы или после похорон.

— Надо туда, — Миша поднялся на локтях.

— Куда?

— Домой.

Лёха посмотрел на него так, будто Миша предложил выйти на дорогу и махать самолётам рукой.

— Ты сдурел?

— Там мать.

Это слово всё решило.

Они поползли вверх по склону оврага. Не пошли — именно поползли, цепляясь за корни, сдирая кожу на животе и локтях. Каждая ветка казалась рукой, которая пытается удержать. Каждая секунда была липкой, длинной. Самолёты уходили, возвращались, снова уходили, и всё время над деревней что-то рушилось, взрывалось, ревело.

Когда они добрались до края леса, Миша сперва не узнал свою деревню.

Она ещё стояла — но уже не была прежней.

Над крышами висел дым. Улица, по которой утром они бежали к речке, была перерезана воронкой. Там, где раньше дорога была ровная, лежала чёрная яма с рваными краями, и из неё торчали доски, комья глины, обрывки чего-то белого. У крайней избы не было стены. Печь стояла открытая, нелепая, как выставленное напоказ сердце дома. На печи всё ещё висел чугунок.

Крыша сельсовета горела.

Не ярко, как на празднике, а зло и жадно. Пламя глотало сухие доски, вырывалось из окон, бросало в небо красные языки. Рядом кто-то кричал. Не словами — одним длинным, протяжным звуком, в котором не было ничего человеческого, кроме боли.

Миша сделал шаг и наступил на осколки стекла. Только тогда понял, что босой.

Лёха тоже был босой. Оба были в одной коже, в грязи и царапинах. Одежда осталась у речки. Детство осталось там же.

По улице бежала тётка Дуня. Волосы у неё выбились из платка, лицо было серым. В руках она несла курицу — мёртвую или живую, непонятно, — а за ней, спотыкаясь, тащился маленький Ванька без штанов, в одной рубашке.

— В лес! — кричала она. — В лес бегите!

Но сама почему-то бежала к центру деревни.

У колодца лежала перевёрнутая телега. Лошадь билась в оглоблях. Не ржала — хрипела, выбрасывая голову, и от этого хрипа Мише стало хуже, чем от взрывов. У животного была перебита задняя нога. Копыто стучало по земле, раз, раз, раз, будто кто-то пытался выбить дверь изнутри.

— Не смотри, — сказал Лёха.

Но Миша уже посмотрел.

Он увидел ещё больше.

У забора сидел дед Пахомыч. Сидел спокойно, прямо, как всегда сидел вечером у ворот. Только ворот больше не было, а у деда на лице застыло удивление. На груди его расплывалось тёмное пятно. Рядом валялась кепка.

Миша захотел закричать, но крик не вышел.

С неба снова донёсся гул.

Сначала все замерли. Даже лошадь будто на мгновение перестала биться.

Потом деревня взорвалась движением.

Люди бросились кто куда. Женщины хватали детей, старики падали, поднимались, снова падали. Кто-то тащил узел с вещами, кто-то икону, кто-то пустое ведро, будто в этом ведре могла поместиться вся прежняя жизнь.

— Ложись! — заорал кто-то.

Миша не успел.

Самолёт вышел из-за дыма так низко, что были видны тёмные пятна на крыльях. Он нырнул к деревне, и из его носа брызнула огненная строчка.

Пули прошили улицу.

Земля перед Мишей вскипела. Пыль, щепки, камни, стекло — всё прыгнуло вверх. Забор рядом с ним разлетелся, как сухарь. Что-то горячее полоснуло по плечу. Лёха налетел сбоку, сбил Мишу с ног, и они вместе рухнули в канаву.

Над головой секло и свистело.

Не как в кино, не красиво. Грязно. Быстро. Сухо. Смерть не шла торжественно — она работала, как молотилка.

Миша лежал в канаве, уткнувшись лицом в мокрую землю. Вода на дне была тёплая от солнца и мутная от пыли. Он слышал, как Лёха рядом тяжело дышит, как где-то над ними ломается дерево, как кричит ребёнок, как кто-то зовёт:

— Марья! Марья!

Потом голос оборвался.

Самолёт ушёл на разворот.

На несколько секунд стало почти тихо. Только горело. Трещали балки. Плакали люди. Лошадь больше не хрипела.

Миша поднял голову.

На другой стороне улицы стояла его мать.

Он узнал её не сразу — так нелепо она выглядела среди дыма: в домашнем переднике, с мукой на рукаве, с выбившейся прядью волос. Она смотрела прямо на него. Сначала не понимала, что это её сын: голый, чёрный от грязи, с кровью на плече. Потом поняла.

— Миша!

Она бросилась к нему.

— Назад! — крикнул он, сам не зная почему.

И в этот момент ударило по их улице.

Бомба упала не в дом. Чуть дальше, за амбаром. Но взрыв всё равно раскрыл мир белым огнём. Мишу снова швырнуло вниз. Воздух исчез. Вместо воздуха в грудь вошла пыль. Он не слышал ничего. Только видел, как над канавой медленно, слишком медленно летят щепки, солома, кусок красной занавески, обломок доски с гвоздём.

Когда звук вернулся, он вернулся сразу всем.

Рёв. Плач. Треск. Женский вой.

Миша вскочил, но Лёха удержал его за пояс.

— Пусти! Там мать!

— Подожди!

— Пусти, я сказал!

Он вырвался.

На улице ничего нельзя было разобрать. Всё стало одного цвета: дымно-серого, пыльного, горелого. Миша бежал туда, где только что стояла мать, и не чувствовал ног. В голове была одна мысль: успеть. Не спасти даже — просто успеть добежать, пока мир снова не передумал и не отнял у него ещё кого-нибудь.

Мать лежала у забора.

Живая.

Она пыталась подняться, но не могла. Лицо у неё было в саже, губы разбиты. Увидев Мишу, она схватила его за руку так крепко, что он вскрикнул.

— Живой, — сказала она.

Не спросила. Сказала. Как приказала.

— Живой, мам.

Она вдруг ударила его ладонью по щеке. Слабо, почти без силы.

— Где одежда? Где ты был? Господи, где ты был?

И тут Миша понял, что сейчас она спросит про Матвея.

Потому что все знали: если Миша и Лёха вместе, значит, где-то рядом должен быть Матвей. Так было всегда. У колодца, на речке, у школы, на покосе, за чужими яблоками. Трое. Не двое.

Мать посмотрела за его спину.

Там стоял Лёха. Один.

— А Матвей? — спросила она.

Слова были тихие, но Миша услышал их сквозь пожар, самолёты и плач всей деревни.

Лёха опустил глаза.

Миша открыл рот.

И ничего не сказал.

В небе снова загудело.

Мать сама всё поняла не потому, что ей ответили, а потому что ответа не было. Она перекрестилась, медленно, дрожащей рукой, и подтянула Мишу к себе.

— В погреб, — сказала она. — Быстро.

Они бежали к дому втроём: мать, Миша и Лёха.

Дом стоял. Окна выбило, дверь перекосило, но дом стоял. Во дворе валялась разбитая кадка. По земле текло молоко — белое, густое, смешиваясь с пылью. Эта белая лужа почему-то показалась Мише страшнее крови. Будто сама мирная жизнь вытекла на землю и уже не могла быть собрана обратно.

Мать открыла крышку погреба.

— Лезьте!

Лёха спустился первым, потом Миша. Внизу пахло картошкой, сыростью и мышами. Мать хотела спуститься следом, но сверху кто-то закричал её имя.

— Анна! Помоги! У Федотовых завалило!

Она застыла.

Миша схватил её за подол.

— Мам, не ходи.

Она посмотрела вниз. На секунду стала просто матерью, не женщиной, не соседкой, не взрослой — матерью, которая хочет закрыть собой сына и больше никуда его не отпускать.

Потом наверху снова закричали.

— Я сейчас, — сказала она.

— Мам!

— Сиди здесь. Не вылезай. Слышишь? Что бы ни было — не вылезай.

Крышка закрылась.

Темнота упала сразу.

Миша остался в погребе с Лёхой. Они сидели между мешками картошки, голые, грязные, чужие самим себе. Сверху грохотало. Иногда в щели между досками просыпалась земля. Один раз что-то тяжёлое ударило по крышке, и оба мальчика пригнулись, хотя пригнуться было некуда.

Лёха молчал долго.

Потом сказал:

— Я его держал.

Миша повернул к нему голову, но в темноте видел только смутный силуэт.

— Кого?

— Тебя. Я тебя держал. А его — нет.

Миша хотел сказать: «Ты не виноват». Хотел. Но слова не пошли. Потому что где-то внутри, в самом тёмном месте, уже сидела другая мысль.

Если бы Лёха не держал его, может, он успел бы к Матвею.

А если бы Миша поплыл раньше?

А если бы они не побежали купаться?

А если бы не кричали «последний — немец»?

Сверху снова взорвалось.

Погреб трянуло. С потолка сыпалась земля. Лёха зажал уши. Миша прижал колени к груди и вдруг понял, что плачет. Без звука. Просто вода текла по лицу — уже не речная, не дождевая, а своя, горячая.

Он плакал не только от страха.

Он плакал потому, что там, за домом, за дымом, за горящей деревней, была речка.

А в речке остался Матвей.

И никто сейчас не мог пойти за ним.

Никто.

К вечеру самолёты ушли.

Но тишина после них оказалась хуже. В ней слышно было всё: как где-то стонет раненый, как трещит недогоревшая балка, как плачет женщина у развалин, как сыплется уголь из печной трубы. Деревня не умерла — она лежала, изуродованная, и дышала через боль.

Когда мать открыла погреб, лицо её было старым.

Не уставшим — именно старым. За несколько часов она прожила столько, сколько не должна была прожить ни одна женщина.

— Вылезайте, — сказала она. — Только не смотрите по сторонам.

Конечно, они посмотрели.

На улице собирали тех, кого можно было собрать. Накрывали простынями, мешками, половиками. У кого что было. У Федотовых не осталось дома. У сельсовета торчали чёрные балки. Колодец завалило. Репродуктор на столбе висел перекошенный, и из него вместо голосов шёл один хрип.

Миша стоял посреди двора, завернувшись в старую отцовскую фуфайку, и смотрел в сторону речки.

Туда никто не шёл.

У всех были свои мёртвые, свои раненые, свои пожары.

Матвей был пока ничей.

Только их.

— Надо сказать его матери, — произнёс Лёха.

Миша посмотрел на него.

Лёха дрожал. Не от холода. От того, что впервые в жизни понимал: есть слова, после которых ты уже никогда не будешь прежним.

Они пошли к дому Матвея на закате.

Небо было красное, будто весь день горело и теперь не могло остыть. По дороге им попадались люди, но никто не спрашивал, куда они идут. Все и так знали, куда идут двое мальчишек, если третьего рядом нет.

У калитки Матвеевой избы сидела Нюрка.

Та самая младшая сестрёнка, которой утром он обещал занести воду.

Ведро стояло рядом с ней. Полное. Матвей всё-таки успел.

— А Матвей где? — спросила Нюрка.

Миша остановился.

Лёха отвернулся.

Из избы вышла Матвеева мать.

Она посмотрела на них — на Мишу, на Лёху, на пустое место между ними.

И сразу всё поняла.

Но всё равно спросила:

— Где мой сын?

Миша хотел ответить.

Хотел сказать: «В речке». Хотел сказать: «Мы не успели». Хотел сказать: «Простите».

Но перед глазами снова пошли круги по воде.

Широкие.

Медленные.

Равнодушные.

И где-то очень глубоко, под этой памятью, под страхом и дымом, ему вдруг показалось, что из-под воды кто-то смотрит.

Не просит о помощи.

Запоминает.

Миша впервые почувствовал это — не мысль даже, а холодную занозу под сердцем.

Матвей не простит.
Даже если мёртвые ничего не помнят.
Даже если мёртвые не возвращаются.
Он не простит.
И Миша молча заплакал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.